Питер Холквист

ТОТАЛЬНАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА НАСЕЛЕНИЯ: РОССИЙСКАЯ КАТАСТРОФА (1914—1921) В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ

> Мировая война формально закончилась с заключением перемирия... Однако на самом деле все, что мы пережили и переживаем с тех пор, есть продолжение и видоизменение мировой войны.
>
> *Петр Струве*, ноябрь 1919 г.[1]

> Возможно, важнейшим отличительным признаком этой великой катастрофы следует признать то, что в ней гений войны объединился с духом социального прогресса. Эта особенность проявилась не только в сражениях между разными странами; она проявилась и в гражданской войне, пожавшей богатый второй урожай на полях многих из них. Оба события — мировая война и мировая революция — связаны между собой гораздо сильнее, нежели можно предположить на первый взгляд. Они — две стороны одного и того же явления вселенского масштаба, чье начало и чьи причины тысячами нитей связаны между собой.
>
> *Эрнст Юнгер*, «Тотальная мобилизация», 1930[2]

Как показала настоящая конференция, Первая мировая война — это ключ к пониманию российской истории XX в. В течение многих лет большинство исследователей и на Западе, и в Советском Союзе просто включали ее в тему революции в качестве приложения. Между тем, как явствует из цитаты Петра Струве, события 1917—1921 гг. можно рассматривать и как прямое следствие войны. Мысль Струве подсказывает нам: вместо того чтобы разбивать события этого периода на два отдельных этапа — войны (1914—1917) и революции (1917—1921), можно говорить об одном и том же процессе «всероссийского потопа» периода 1914—1921 годов, или, как сказал кто-то, второго смутного времени[3]. Однако и эта хронология, и признаки, по которым мы ее определяем, не означает, что Россию следует рассматривать в отрыве от остальной Европы. Наоборот, в связи с тем, что динамичная связь между общенациональной мобилизацией и тотальной войной считается «транснациональным или наднациональным явлением»,[4] «долгий» военный опыт России может оказаться полезным и для

анализа событий в Европе. Дело в том, что, если в историографии России Революция 1917 года часто затеняла собой события войны, то для большинства историографов европейских стран, наоборот, война затмила и революционное брожение, и гражданские войны, в которые это брожение вылилось после того, как приемы ведения внешней войны, шлифовавшиеся в течение предшествующих четырех лет, были перенесены во внутренние конфликты. С этой точки зрения Гражданскую войну в России можно рассматривать только как самый законченный образец наиболее протяженной «европейской гражданской войны», охватывающий и период Великой войны, и значительный отрезок времени после нее.[5]

Однако больший акцент на Первую мировую войну имеет и свои недостатки. Рассматривая революцию в контексте Великой войны, не следует подменять один переломный момент (1917 г.) другим (1914 г.). Такая хронология чревата двумя опасными последствиями. Во-первых, антропоморфизируя войну, т. е. рассматривая ее как фактор активного изменения или искажения общества, мы упускаем из виду то, что «социальная организация насилия, сделавшая тотальную войну возможной, начала формироваться уже с конца девятнадцатого века».[6] В частности, начало государственным методам тотальной войны и массового уничтожения людей положил колониализм.[7] Настоящий доклад посвящен проблеме "политики населения", которая формировалась в течение нескольких десятков лет непосредственно перед войной 1914 г. и послужила важнейшей предпосылкой реализации государственных мероприятий военного времени, направленных против целых слоев собственного населения, особенно массовых депортаций. Во-вторых, отказавшись от антропоморфизации войны в смысле ее воздействия на общество, можно показать, что «на самом деле не столько война или „милитаризация" организует общество, сколько само общество организует себя через войну и во имя войны... милитаризация порождается самим гражданским обществом, а не навязывается ему извне».[8] Хотя государственное управление ресурсами (материальными, равно как и людскими) — один из ключевых компонентов тотальной войны, не менее важным фактором является и самомобилизация гражданского общества на достижение конечных целей тотальной войны. Тотальная война стала свидетелем возникновения особого гибрида — «парагосударственного комплекса», которому удалось добиться широкого и добровольного участия общества в ведении войны.[9] Действительно, тотальная война была самым тесным образом связана с развитием современной политики управления массами — факт, который признавали и сами современники. Струве, например, отметил, что сам способ ведения войны породил «особую демократическую идеологию».[10] Отстаивая тезис о самомобилизации общества, мобилизации его воображения и энтузиазма, мы проанализируем также деятельность органов «осведомления», задача которых состояла в изучении настроений народа с тем, чтобы более эффективно мобилизовать его на войну с помощью различных просветительных мероприятий.

I. Политика населения: ее прецеденты в режимах колониального управления и практика тотальной войны

Разумеется, государства и прежде оказывали влияние на своих подданных. Но XIX в. отмечен неуклонным ростом сознательного интереса к «населению» как

объекту государственной политики, выражением которого стала концепция «политики населения» (от немецкого Bevölkerungspolitik). Термин «политика населения» был впервые предложен камералистами, которые рассматривали население в качестве одного из видов экономических ресурсов. Однако в течение XIX в., с возникновением понятия «социальное» как сферы государственного вмешательства,[11] «политика населения» стала иметь более широкое толкование, и в 1909 г. одна российская энциклопедия уже определяет «политику населения» как науку, «которая занимается решением задач, вытекающих для общественной жизни из [статистических] фактов и их закономерности, и в особенности относящихся к задачам государственного вмешательства в эту область».[12]

Формированию взгляда на население как «область для государственного вмешательства» во многом способствовала военная статистика. Военная статистика разрабатывалась в середине XIX в. чиновниками-реформаторами по образцу аналогичных исследований, проводившихся в Европе.[13] За несколько десятилетий не прекращавшихся исследований на местах и в масштабе всей империи военная статистика превратила прежде аморфное слово «народ» в строго определяемое понятие «население». Другим, не менее значимым событием было то, что военная статистика начала официально фиксировать народность или племя подданных империи (это самое раннее официальное упоминание об этой категории, которое мне удалось обнаружить). К концу XIX в. военные статистики начинают все чаще выражать беспокойство по поводу «племенного состава» империи, а также высказываться о предпочтительности его однородности. В своем учебнике 1885 г. для Академии Генерального штаба Золотарев рассуждает о преимуществах населения Московского военного округа и округа Иль-де-Франс с точки зрения его однородности и благонадежности, по сравнению с населением российского Кавказа или британской Индии. Последними Золотарев особенно недоволен не только ввиду их неоднородности, но и в связи с их нехристианским и неевропейским составом.[14] Чем больше военные статистики делят население империи на составные элементы, тем они чаще приписывают им те или иные качественные характеристики (не удивительно, что у русских такими качествами оказываются патриотизм и благонадежность, а у евреев и поляков — непатриотичность и эгоизм).[15]

И эти исследования не были чисто теоретическими упражнениями. Военная статистика была прикладной наукой в самом прямом смысле этого слова. Во-первых, при Милютине она стала занимать очень важное место в программе Академии Генерального штаба: ровно четверть всего учебного времени слушателей уходило на военную географию и статистику.[16] Офицеры-выпускники Академии Генерального штаба, в головы которых была основательно вбита военная статистика, занимали впоследствии ключевые посты в военной и гражданской администрации и руководили войсками как в операциях по «умиротворению» внутри страны, так и в военных кампаниях против ее внешних врагов. Офицеры же Генерального штаба были одновременно и авторами большинства работ по военной статистике на местах. Во-вторых, те, кто собирал данные для военной статистики, были зачастую и исследователями-этнографами, и в этом качестве, с одной стороны, использовали материалы военной статистики, а с другой — пополняли ее этнографическими сведениями. Так военная статистика превратилась в смесь официальных статистических данных, научных работ и учебной литературы.[17] При этом часто оказывалось, что ученые-этнографы и чиновники (как граждан-

ские, так и военные) это одни и те же люди. И подобному тому, как английская колониальная администрация способствовала укреплению расовых и кастовых различий в Индии, в России именно «административные различия, введенные царским режимом, способствовали подъему этнического самосознания».[18] И, наконец, военная статистика была тесно связана с колониальной экспансией и колониальной администрацией. Многие из высших чинов колониальных администраций сами были военными — офицерами Генерального штаба (например, Куропаткин, Черняев, Скобелев, К. Р. Кауфман), поэтому статистические и географические исследования занимали важное место в их колониальной политике.[19] В значительной степени то, что было известно правительству империи о его собственных подданных, т. е. их численности, местах проживания, и даже состоянии здоровья, оно узнавало из военной статистики.[20]

Перед военной статистикой никогда не ставилась чисто описательная задача. Она всегда предлагала пути решения описываемых проблем. В России так же, как и в Западной Европе, введение более широкой социальной классификации людей подтолкнуло государство к разработке мер воздействия на них (достаточно вспомнить определение политики населения из энциклопедии 1909 г.). До Первой мировой войны эта технология массового воздействия на население применялась в основном в районах колонизации и в приграничье (у черты оседлости). Во время Первой мировой войны и, в еще большей степени, во время войны гражданской отработанные в этих регионах приемы будут перенесены на все политическое пространство бывшей империи.

На примере Туркестана можно проследить, как военная статистика применялась в процессе колонизации Средней Азии и как ее применение совпало с Первой мировой войной во время Туркестанского восстания 1916 г. В Средней Азии, как и повсюду на территории империи, чиновники разделили население на составные «элементы». Предметом особой озабоченности и государственных чиновников, и журналистов было отсутствие надежного русско-православного «элемента» и неоднородность состава населения. Стремясь заполнить этот пробел, очень многие сходились во мнении, что необходимо повысить соотношение «русского элемента» в регионе путем последовательной политики колонизации. Не удивительно, что труды по военной статистике того времени дружно сетуют на неоднородность местного населения и нехватку надежного русского элемента.[21] Одна работа сухо констатирует: «нельзя назвать [состав населения] благоприятным, так как русский элемент составляет менее 50% инородческого... необходимо признать состав [населения], с военной точки зрения, неблагоприятным». Но эта работа не ограничивается простой констатацией факта. Она делает вывод о том, что «вопрос о колонизации Семиреченской области русским элементом весьма важен в военном отношении» и что государство должно стремиться «к усилению колонизации края русской народностью, хотя бы и в ущерб туземным инородцам».[22] Подобные взгляды распространились весьма широко и за пределами высоких кабинетов империи. Туркестанский том в сборнике Семенова-Тян-Шанского «Полное описание нашего отечества» полностью разделяет концептуальные категории военной статистики.[23] И это, пожалуй, не удивительно, если учесть, что библиография издания изобилует трудами по военной статистике. В этом якобы «описании» Туркестана легко просматривается программа государственного манипулирования с составом населения региона: в ней говорится о необходимости «усиления русского элемента» с помощью скоординиро-

ванной политики колонизации. Что империя и сделала. Правительство выделило средства на изучение вопроса о том, как наилучшим образом направить «русский элемент» в эти районы, и в 1905 г. создало район поселений в Семиречье.[24] Ведавшие колонизацией чиновники-«фанатики», которые часто не ладили с местной администрацией, «намеревались затопить страну эмигрантами... Наконец-то [они] оказались в стране, которая, казалось, открывала неограниченные возможности для претворения в жизнь их идей». И когда им нужно было рассчитать требуемую плотность вновь прибывшего населения, они просто протягивали руку за картой, подготовленной офицерами Генерального штаба.[25]

В рамках новой, более широкой сферы применения политики населения военные статистики не ограничивались советами по «положительному» решению проблемы Средней Азии, в частности, ее колонизации. Они считали, что, наряду с колонизацией может возникнуть необходимость в выселении нежелательных или ненадежных групп. Во втором томе военно-статистического описания Семиречья 1910 г. содержатся рекомендации на случай непредвиденных обстоятельств военного характера, и в частности описываются «свойства района при народном восстании».[26] С большой прозорливостью этот труд предсказывает, что «...отвлечение же этих частей для борьбы с внешним противником может... дать мятежу распространиться на значительные пространства». В этом случае российских военных предупреждают о возможности партизанской войны со стороны инсургентов и советуют брать в заложники семьи инсургентов и захватывать скот. Взятие заложников позволит отделить более умеренные «элементы» от непримиримых врагов и «заставит более умеренные элементы (sic!) населения вернуться к мирному образу жизни; оставшиеся же шайки беспокойного элемента придется истреблять или изгонять за границу».

Именно по этим предвоенным инструкциям действовали российские войска при подавлении восстания 1916 г., которое вспыхнуло в ответ на попытку правительства применить в регионе методы тотальной мобилизации.[27] Свирепость подавления этого восстания не была, таким образом, просто реакцией на само восстание или проявлением этнической нетерпимости. Это был результат разработанных за многие годы до этого идей и концепций макростратегии политики населения и микротактики репрессий, призванных наилучшим образом обеспечить достижение ее целей. Российское командование широко использовало карательные отряды, которые действовали на территории всей империи в 1905—1907 гг. и которым суждено было стать неотъемлемым элементом всех армий в период Гражданской войны в России. Военное руководство не оставило этим подразделениям никаких сомнений относительно того, как им нужно действовать. Военный губернатор Семиречья так инструктировал своих подчиненных: «Одной из первых возмутилась ... Ботпаевская волость. Хорунжий Александров с сотней 10 августа... настиг волость, 3 аула поголовно истребил, стойбища сжег, скот угнал; 12-го ботпаевцы изъявили покорность и выдали заложников... Сообщается как образец действий, руководимых лично мною». Такое поведение не было ни проявлением личной жестокости, ни превышением полномочий, так как соответствовало официальной политике. Летучие отряды — небольшие сборные пехотно-кавалерийские подразделения, вооруженные пулеметами, — получили приказ «для уничтожения киргизов и подавления восстания... загонять киргизов в горы и там уже уничтожать их».[28] Помощник туркестанского генерал-губернатора докладывал, что карательные «отряды истребляли планомерно и систематично жен-

щин и детей».[29] В результате этих действий к январю 1917 года численность коренного населения Семиречья упала на 20 процентов, а в некоторых районах на 66 процентов.[30]

Таким образом, эти меры нельзя рассматривать лишь как конкретно спланированную военную операцию. Власти империи стремились не только восстановить порядок в мятежных регионах, но вслед за этим и окончательно в них утвердиться. 16 октября военный губернатор Туркестана Куропаткин провел совещание по разработке планов удаления киргизов из некоторых районов Семиречья и замене их русскими переселенцами для того, чтобы образовать районы с «чисто русским населением». В восставших районах, предназначенных к депортации (используя восстание как предлог), вместо простого выселения из них киргизов и поселения русских, он изменял административные границы таким образом, чтобы «создать обособленную от киргизов территорию с русским населением не только в границах этнографических, но и географических». В своем последнем докладе Николаю II, составленном 22 февраля 1917 г., Куропаткин сообщает, что эти планы уже выполнены и направлены военному министру для конфискации туземных земель в Семиречье «в целях укрепления русского элемента в Туркестанском крае» и создания однородных «чисто русских районов».[31] Казалось, что долгосрочная программа укрепления этого региона с помощью политики населения, программа, которую поддерживала не только военная статистика, но и современная публицистика, будет вот-вот реализована: не зря ведь военно-статистические исследования 1910 г. пришли к заключению, что интенсивная колонизация русскими должна проводиться «хотя бы и в ущерб местным инородцам». И только революция 1917 года «не позволила осуществить предложения генерал-губернатора о выселении всех киргизов с огромных территорий долины Чу и земель вокруг Иссык-Куля, которым предстояло стать „чисто русскими“».[32]

Эта форма политики населения, отшлифованная в колониальных районах, широко применялась в Европе воюющими державами в период Первой мировой войны (см. ниже). С этой точки зрения военную политику России по отношению к собственным западным приграничным территориям также нельзя рассматривать просто как военную необходимость или проявление глубоко укоренившейся ксенофобии и антисемитизма, хотя это тоже, без сомнения, имело место. Это была попытка применения на практике теории политики населения, разработанной ранее. Выше уже отмечалось, что начиная с 80-х гг. XIX в. военная статистика все чаще приписывала отличительные характеристики различным «элементам», из которых якобы состояло население, для того чтобы подчеркнуть необходимость этнической однородности (по умолчанию, русской однородности). В своем учебнике по военной статистике для Академии Генерального штаба 1885 г. Золотарев заявил, что население России в целом может быть признано благонадежным. Но «этого далеко нельзя сказать, если начать рассматривать расселение различных племен по территории нашего отечества и степень надежности жителей наших окраин... Чем же дальше к окраинам, тем населенность уменьшается, население же, делаясь более и более разнородным, становится менее и менее надежным».[33] Во втором томе, приступив к описанию западного приграничья, Золотарев не оставляет сомнений относительно того, какие именно элементы следует считать ненадежными: это евреи, немцы и поляки.[34] Этот тезис Золотарев повторяет еще раз в учебнике 1903 г. для юнкерских училищ.[35]

Труды Золотарева наделяют все «элементы» особыми качественными признаками и, кроме того, точно указывают места скопления «ненадежных» групп. Ибо, как уже говорилось, военная статистика не просто описывала «население». Она также предлагала решение выявленных «проблем». Так, полковник Генерального штаба Комаров, давая положительную оценку населению в районах вокруг Москвы, Владимира и Нижнего Новгорода (читай: там проживали в основном русские православного вероисповедания), отмечает один недостаток: концентрацию евреев в Москве. Тем не менее, пишет он, еврейское население «благодаря принятым административным мерам, значительно сократилось против прежнего, и продолжает еще уменьшаться». «Административные меры», о которых так одобрительно отзывается Комаров, состояли в том, что в 1891 г. около 20 тысяч евреев были выселены из Москвы.[36]

Как показывает эта операция по выселению, военная статистика руководствовалась более далекими целями, чем простой академический интерес. Как заметил один исследователь по поводу Германии, «культура (и культ) сайентизма конца XIX в. создали дискурсивные рамки» для попыток по трансформации общества, предпринятых во время войны.[37] Не Первая мировая война породила эти планы. Возможность подобных «решений» была подсказана военной статистикой (и российской колониальной политикой) задолго до войны. Но тотальная война явилась контекстом, в котором эти приемы стали неотъемлемой частью государственной политики. В этой ситуации призыв к поиску сайентистских решений слился с этосом насилия.[38]

В России насильственная массовая депортация этнических меньшинств с западных приграничных земель явилась воплощением в реальную политику того, что военная статистика говорила о населении этих областей в течение нескольких десятилетий.[39] Один исследователь недавно подсчитал, что в царской России было депортировано миллион гражданских лиц, в том числе 500 000 евреев и 300 000 немецких колонистов.[40] Эти люди были депортированы (именно как «ненадежный элемент») во «внутренние районы», где их держали под строгим надзором.[41] Это, естественно, породило новую проблему: «ненадежный элемент» угрожал загрязнить прежде однородные и надежные внутренние губернии. В 1915 г. М. Д. Бонч-Бруевич напишет Янушкевичу, что «чисто русские губернии совершенно испорчены враждебными нам элементами, и, следовательно, сам собою встает вопрос о необходимости точной регистрации всех депортированных вражеских подданных для того, чтобы по окончании войны ликвидировать весь враждебный элемент без следа».[42] Российские военные распространили эту форму политики населения и на те территории, которые перешли под их контроль в самом начале войны. И на оккупированных территориях, так же как и во внутренних областях России, именно военная статистика определяла коллективные цели для проведения государственной политики.[43] Эту политику нельзя отнести на счет жестокости войны или неожиданно затяжного характера боевых действий: ведь это происходило в первые дни войны. Не была она и последствием особого характера войны или результатом традиционной ксенофобии или антисемитизма. Эта политика явилась продуктом нового взгляда на население и на возможные способы воздействия на него.

Меры, принятые против населения, нельзя объяснить одной лишь военной необходимостью. Их смысл станет понятным, только если мы серьезно отнесемся к концепции о возможности трансформации структуры населения либо путем вве-

дения в нее определенных элементов, либо путем удаления их из нее. Целью этих мер было изменить состав населения, «очистить» районы от строго определенных элементов. С этой точки зрения жестокость Гражданской войны в России можно рассматривать не как sui generis (нечто в своем роде, лат.), а скорее как «продолжение и видоизменение» (Струве) государственной политики, разработанной в последние годы империи и реализованной в широком масштабе в период Великой войны. Основываясь на опыте тотальной войны и полностью разделяя одну и ту же концептуальную матрицу политики населения, и белые, и красные в равной степени автоматически подразделяли население на «элементы» различной степени надежности. А после этого применяли профилактические меры насилия к тем элементам, которых считали злокачественными или вредными (евреи именовались не иначе, как «микробы» или «бациллы», большевизм — как «социальная болезнь»). Один офицер белой контрразведки (аналог ЧК) объяснял, почему его ведомство так часто прибегает к казням: «вредное никогда не может стать полезным»; поэтому в таких случаях «самый лучший способ лечения — хирургический». (Нужно ли объяснять, что среди тех, кого невозможно заставить стать полезным, и кто, соответственно, подлежал хирургической операции, он назвал евреев?).[44] Белые верили также и в положительные последствия политики населения. Начальник штаба барона Врангеля генерал-майор Махров — естественно, выпускник Академии Генерального штаба — советовал командующему в апреле 1920 г., что лучший способ получить обратно под свой контроль район Дона — это вернуть туда «самый активный элемент». Он имел в виду казаков, эвакуированных в Крым. Последовавшая вскоре неудачная высадка генерала Назарова и явилась попыткой реализовать этот замысел. Короче говоря, программа генерала Махрова была зеркальным отображением политики советской власти 1919 г. по расказачиванию Донской области, так как он предлагал провести реколонизацию этих земель за счет переселения туда надежного и активного казацкого элемента.[45]

Однако осуществление «политики населения» в форме депортаций (опираясь на опыт собственной колониальной политики) не было чисто российской аномалией: в годы Первой мировой войны их практиковала вся Европа. Еще за несколько десятилетий до 1914 г. Германия также проводила «государственную политику, сознательную и четко спланированную, направленную на изменение национального состава в некоторых районах королевства Прусского», и с этой целью выселила десятки тысяч евреев и поляков как «нежелательных элементов».[46] В восточной политике Германии ясно прослеживалась преемственность с ее колониальной политикой в Африке.[47] Военное правительство Людендорфа на востоке, в провинции Ober-Ost, по составу отличалось от немецкой военной администрации в Бельгии и Польше: в него «входили люди, которые были хорошо знакомы с колониальными порядками в Африке и имели опыт работы в разведке». Одним из таких людей был доктор Джордж Ешерин, «служивший в Эфиопии экспертом по лесному хозяйству и колониальным чиновником в Германском Камеруне». На его примере можно отлично проследить, как Великая война перешла во внутреннюю гражданскую войну: в качестве руководителя «Организации Эшериха» он прославился разгромом коммунистического правительства Баварии в Мюнхене в 1919 году.[48] Некоторые очевидцы прямо «сравнивали действия административной системы в Литве с действиями германской колониальной администрации в Африке».[49] Чиновники земли Ober-Ost депортировали значительные

группы местного населения и не позволили сотням тысяч беженцев вернуться из России домой, тем самым проводя, по словам одной немецкой газеты, «последовательную политику удаления местного населения».[50] «Критический порог пройден, и массовые переселения этнических групп перешли в категорию реально планируемых акций... начался сбор информации для обоснования более обширного плана — образования на этих территориях „Новых земель“ (Neuland) и управления ими в качестве новой немецкой колонии».[51] Австро-Венгрия также с подозрением относилась к своим подданным сербам и русинам, и в конце концов десятки тысяч этих людей были депортированы и интернированы.[52] Некоторые исследователи даже утверждали, что армянская резня, устроенная турками, — это отчасти результат воздействия этоса разрушения (этоса, рожденного германской военной доктриной XIX в., и особенно доктриной «малых войн», отработанной в колониальных войнах), который одобрял полное уничтожение потенциально враждебного населения. С одной стороны, подобная политика не была аномальным явлением, характерным только для какой-либо одной страны, а с другой — она не была продиктована военной необходимостью. Депортация целых этнических групп, признаваемых ненадежными, явилась практическим применением политики населения, которая была разработана еще до войны и впервые опробована в сокращенном варианте в колониях. С началом Первой мировой войны все ее приемы (и связанное с ними насилие) были реэкспортированы на родину, в Европу.[53]

II. Тотальная война и осведомление: общество и мобилизация коллективного воображения

Европейские государства стремились мобилизовать население на тотальную войну не только как физическую массу людей; задачей равной степени важности ставилась также мобилизация коллективного духа. Термин осведомление чаще всего обозначает методику осуществления государством надзора за своими подданными, но в нашей работе он используется в более широком смысле, для обозначения типа государственной власти, стремящейся к применению этой методики.[54] Политика осведомления представляла собой сбор информации для изучения настроений в обществе и последующего их изменения. Примечательно, что процесс этот не был пассивным, т. е. не ограничивался одним только наблюдением. Определив контуры общественных настроений, технократы от осведомления стремились их трансформировать посредством государственного вмешательства — процедуры, которая практически во всех странах именовалась не иначе как «просвещение» (например, в России и Германии [Aufklarung]). Причем целый ряд недавних исследований показывает, что осведомление возникло в России вовсе не с приходом большевиков, как принято полагать, а еще в годы Великой войны, в качестве одного из элементов целого спектра государственных мер, направленных на мобилизацию общества для участия в тотальной войне.

Функции осведомления не совпадали с функциями полицейского надзора. В задачу полицейского надзора входило наблюдение за отдельными людьми — преступниками, оппозиционерами или революционерами с целью охраны существующего порядка. Осведомление же занималось сбором информации о населении в целом, имея задачу накопления обобщенных данных о его настроениях и

выработки наиболее действенных мер контроля. Полиция стояла на страже общественного порядка. Осведомление же стремилось получить информацию для того, чтобы максимально использовать имеющийся потенциал как всего общества, так и каждого отдельного его члена. Таким образом, осведомление было одним из элементов новой концепции власти, переносившей акцент с принципа территориального управления на принцип управления правительственного. Государство с административно-территориальным режимом нацеливало свои усилия на управление территорией, тогда как государство правительственного типа — на управление населением. Для укрепления этого нового типа государственности необходимо было точно знать преобладающие настроения народа — отсюда и необходимость в осведомлении. Государства строили эту новую концепцию управления на базе двух основных методов: системы перлюстрации почтовых отправлений граждан и особого бюрократического аппарата, единственной задачей которого было отслеживать преобладающие в народе настроения.

Разумеется, для того чтобы доказать особую приверженность советской власти к методике осведомления, далеко ходить не надо. Первым советским институтом, применившим ее в массовом масштабе, была Красная Армия, откуда система осведомления вскоре расползлась буквально по всем закоулкам советского государственного аппарата.[55] В качестве классического артефакта этой политики можно привести вездесущие «сводки о настроении населения». Начиная с осени 1918 г. армейские политотделы регулярно составляют отчеты о настроениях в войсках, а военные комиссары ведут наблюдение за гражданским населением в тылу. Политотделы (заметьте — политические отделы) каждой дивизии, армии, фронта составляют ежедневные политические сводки.[56] Эти сводки (равно как и лаконичные стандартные категории, на которые они делили типы общественных настроений) вскоре превращаются в особый литературный жанр. Руководство ЧК не только требовало регулярного представления таких сводок, но и строго инструктировало своих сотрудников о том, что простого описания настроений недостаточно, что они должны также «указать», чем эти настроения «объясняются».[57] После Гражданской войны задача по перлюстрации писем перешла от полевых почт к информационным отделам ЧК и ОГПУ. В течение 20-х гг. режим просматривал проходящие через почтовые отделения письма, делая все более обширные выписки из них и составляя все более подробные сводки. А органы государственной власти продолжали тайно и прилежно наблюдать за настроениями народа. Осведомление стало одной из основных форм существования советской власти. Однако процедура осведомления представляла собой нечто большее, чем простое составление сводок о настроениях среди населения. Технократы от осведомления искали пути проникновения в душу народа с тем, чтобы потом формировать ее в соответствии с теми или иными государственными задачами. Несмотря на то, что эту активную сторону процесса осведомления часто именуют «пропагандой», многие государства описывали ее другим термином — «просвещение».[58]

И все же авторство концепции осведомления принадлежит не большевикам. Осведомление — и как метод, и как форма реализации государственной власти — стало принимать институциональные формы уже после революции 1905 г. и развернулось на полную мощь в ходе Великой войны.[59] Еще до 1914 г. российские власти начали рассматривать осведомление как реальную перспективу в политике и даже предпринимали попытки осуществить эти устремления. Но

только во время Первой мировой войны слабый зародыш политики социального управления вырос до уровня повседневной административной практики, опиравшейся на двуединую систему перлюстрации и регулярных чиновничьих сводок о настроениях народных масс. В день объявления войны царский режим ввел в действие «Временное положение о военной цензуре», которое в полном или усеченном варианте распространялось на всю территорию империи.[60] Полный вариант положения о военной цензуре был введен в прифронтовой полосе и предусматривал перехват всех писем без исключения. По усеченному варианту, введенному на остальной территории страны, проверке подлежали все письма с фронта, все письма, отправляемые в адрес редакций газет или по временным адресам, таким, как почтовые ящики, а также письма военнопленных, содержащихся в России, и письма российских военнопленных, содержащихся в стане противника. Кроме того, режим частичной цензуры требовал перлюстрации корреспонденции отдельных подозреваемых лиц; вскоре в эту категорию попала и корреспонденция целых групп населения, считавшихся потенциально ненадежными (евреев, прибалтов, немцев и поляков, подвергшихся массовой депортации из западных губерний во внутренние регионы страны: см. выше). Начиная с апреля 1915 г. Министерство внутренних дел стало требовать от отделов военной цензуры специальных ежемесячных сводок о настроениях среди евреев.[61]

Перед военной цензурой ставилась задача не только отслеживать, но также и описывать, а по мере возможности и объяснять настроения среди населения. В конце 1915 г. цензоры получили инструкцию не ограничиваться вопросами военной безопасности, но обращать внимание и на вопросы общеполитического характера.[62] Просматривая за неделю десятки тысяч писем, военные цензоры в конце каждой недели составляли «сводки» об общем содержании писем, приводя наиболее характерные отрывки из писем и составляя статистическую классификацию недельной почты. Так, в мае 1915 г. управление Вятской военной цензуры обработало за неделю почти 52 тысячи писем. На основе этого материала цензор сделал вывод, что 4% писем свидетельствуют об укреплении морального духа, 18% выражают желание поскорее покончить с войной, 0,5% содержат жалобы, а 77% свидетельствуют о спокойном отношении к текущему состоянию дел. 224 письма были задержаны.[63] Люди, конечно, знали, что власти проявляют повышенный интерес к их письмам. Некоторые солдаты пытались обойти военного цензора, посылая письма через гражданскую почту, а другие в своих письмах прямо обращались к цензору или жаловались на то, что их письма перехватывают.[64] Так политика осведомления заставила людей думать, как лучше выражать свои мысли, и одновременно дала им понять, что их взгляды (какие бы они ни были) имеют самостоятельное значение.

Также именно во время войны правительство ввело систему постоянных внутренних сводок об умонастроениях среди населения. Начиная с марта 1915 г. департамент полиции требовал подачи не только обычных отчетов о конкретных событиях, но и регулярных сводок о деятельности революционных партий и оппозиционных движений.[65] Тем не менее в этот период функции осведомления еще не отличались от обычных негативных функций полиции. Но в октябре 1915 г. (на тринадцатом месяце войны, которая вдруг стала быстро превращаться в войну тотальную) министр внутренних дел приказал губернским и уездным чиновникам составлять ежемесячные сводки о «настроениях» среди населения и сопроводил этот приказ списком стандартных вопросов, на которые следовало

обращать внимание. Армия тоже начала составлять регулярные «сводки о настроении» как среди своих солдат, так и среди населения вообще (и снова особое внимание уделялось евреям).[66]

Вместе с тем государственные чиновники были не единственными, кто стремился определить общественные настроения. В России, как и в других европейских державах, образованные слои населения и профессиональные организации кинулись помогать в мобилизации общества под эгидой государства тотальной войны. Земства (местные советы самоуправления, которые часто противопоставляли себя самодержавию) также распространяли анкеты для получения информации о том, «как отразилась война на благосостоянии и настроении населения... что думают и говорят в деревне о войне?» Полученную с помощью таких анкет информацию затем использовали, чтобы установить «преобладающие настроения» и «развитие общественности».[67] Как и Министерство внутренних дел, земства ставили своей целью не просто собрать информацию, но на ее основе определить наиболее подходящие меры для максимальной мобилизации на войну всех ресурсов деревни — экономических, физических и моральных. С этой же целью полуофициальный Скобелевский комитет изготовлял открытки, снимал кинохронику и патриотичные фильмы.[68] Другой комитет расставил по всему Петрограду ящики для сбора прочитанных газет; затем этот «сэконд-хэнд» переправлялся на фронт для чтения солдатам, имея целью превратить их в информированных и, следовательно, патриотично настроенных граждан–бойцов и укрепить нерушимую связь между армией и народом.[69] Такая же роль отводилась и плакатам. Накануне Февральской революции один очевидец отметил, что «во время войны выработался дотоле редкий и чрезвычайно любопытный вид плаката, цель которого — не личная выгода предпринимателя... а интересы государства и общества. Война особо отчетливо обнаружила, какую большую социальную роль — роль агитатора и организатора масс — может играть плакат». Познакомившись на одной из публичных выставок с английским плакатом, русские художники со всех концов империи приняли участие в первой всероссийской выставке плаката, организованной Русским художественно-промышленным обществом.[70] С помощью подобных мероприятий, а также через деятельность военно-промышленных комитетов, Земгора и множества других организаций, созданных для помощи беженцам, российское общество перестраивало себя «через войну и во имя войны» (Geyer).[71]

По всей Европе государства начинают активно применять осведомление как метод познания этого вновь открытого ресурса — духа народа, с тем чтобы иметь возможность на него повлиять. К 1918 г. и Англия, и Франция уже вовсю занимались перлюстрацией писем собственных граждан и создали специальные службы для изучения умонастроений народа.[72] В американской армии, которая к тому времени стала пионером массового применения тестов на определение уровня умственного развития, также появилось «психологическое подразделение», задача которого состояла в том, чтобы отслеживать все изменения в моральном состоянии войск и гражданского населения Германии и пытаться оказать на него влияние различными способами.[73]

Особого внимания заслуживает методика осведомления, которую применяла в годы войны Германия, поскольку советское государство проявило впоследствии значительный интерес к немецким методам организации населения на тотальную войну. Как и другие воюющие стороны, Германия практиковала систематиче-

скую перлюстрацию писем. В 1915 г. Военное министерство приказало всем командующим военными округами внутри страны докладывать об общем положении на территории их округов; вскоре этот приказ был уточнен: особое внимание следовало обращать прежде всего на настроения среди гражданского населения.[74] Немецкое командование и в особенности Людендорф надеялись, что сумеют использовать эти сведения для выработки наиболее целесообразных государственных методов «просвещения» народа (Aufklarungstätigskeit). По Людендорфу, это просвещение было призвано обеспечить «психологическое единство народа», необходимое для ведения тотальной войны (der totale Krieg).[75] Поэтому не стоит удивляться, что именно Людендорф выступил за объединение немецкой киноиндустрии в конгломерат UFA с целью улучшить координацию кинопропаганды.[76] Советские работы 20-х и начала 30-х гг. часто упоминали произведения Людендорфа и других немецких авторов как образец эффективных государственных мер по «обработке общественного мнения».[77]

Учитывая практически повсеместное применение методов осведомления в годы Великой войны, не следует удивляться, что ими продолжали пользоваться и во время революции, и во время Гражданской войны. Сразу же после Февральской революции Временное правительство учредило Отдел сношения с провинцией, под эгидой которого «при губернских исполнительных комитетах организуются культурно-просветительные общества, которые устраивают лекторские курсы... Слушателями являются учителя и учительницы губернии, а вольнослушателями — все желающие. Комиссарами составлены проекты организации культурно-просветительных ячеек на местах».[78] Во время Гражданской войны подобные методы осведомления и просвещения применялись и советской властью, и антисоветскими движениями. В белых правительствах неизменно создавался «осведомительный отдел», в задачу которого входило составление регулярных сводок о настроении населения. В эти сводки входила информация, собранная как через обширную сеть местных филиалов, так и с помощью специальных агентов, тайно разъезжавших по всей контролируемой белыми территории. Эти антибольшевистские сводки до удивления похожи на свои советские аналоги. Единственное различие между белыми и красными специалистами по осведомлению состояло лишь в ракурсе их взгляда на ситуацию; однако и те, и другие рассматривали население как иерархию четко выделяемых «элементов», построенную по принципу их предполагаемой политической благонадежности. Они даже опирались на одну и ту же морфологию политических движений, основанную на социальной теории репрезентативности. Так, и красные, и белые, дружно обрушивались на «спекулянтов» и уповали на «более сознательные элементы» среди населения.[79]

Однако задача органов осведомления не ограничивалась одним лишь сбором сведений о населении. В нее также входило воздействие на политические настроения людей и доведение их до требуемого уровня посредством спонсируемых государством просветительных мероприятий. Вооружившись достижениями новейшей отрасли науки о человеке, специалисты по осведомлению из антисоветского лагеря предприняли попытку описать «психологическое состояние крестьянских масс» и стремились к «психологическому закреплению вновь занятой территории».[80] Информационное подразделение антибольшевистского движения на юге России так и называлось — «Осведомительно-агитационный отдел», сокращенно — ОСВАГ. ОСВАГ считал, что круг его задач включает в себя «две

главные части: информацию „вверх“ (начальству) и информацию „вниз“ (в население)».[81]

И в ходе доведения необходимой информации до населения белыми предпринимались во многом те же меры, что и советской стороной. Пропагандируя свои идеи, основанные, в соответствии с политикой нового образца, на верховенстве народа и методике просвещения, белые прибегали к мерам, которые по традиции связывают только с большевиками. Они использовали избы-читальни, укомплектованные газетами и брошюрами (изданными, естественно, информационными отделами), агитпоезда, агитпароходы, официальные газеты и журналы и даже агитационные пьесы и фильмы.[82] Сходство между белыми и красными заключалось не только в том, что они широко использовали афиши и плакаты, но и в том, что эти плакаты были похожи друг на друга, как по стилю, так и по содержанию.[83] В последний период Гражданской войны белые офицеры советовали Врангелю, что «надо победить большевиков и большевизм не силою оружия (что не всегда дает полный успех), надо победить его идейно»; на полях против этого абзаца Врангель сделал пометку: «ГЛУБОКО ПРАВИЛЬНО». С этой целью белая армия организовала в Крыму сеть из 38 культурно-просветительных ячеек и пяти передвижных агитационных групп.[84]

Эти последние примеры ясно показывают, что преобладающее представление о белом движении как безнадежно реакционном по сравнению с прогрессивным советским государством требует серьезной ревизии. Использование агитационного кино отделом ОСВАГ — это продолжение усилий Скобелевского комитета времен Первой мировой войны, в которых явно просматривается параллель с UFA, конгломератом немецких кинокомпаний, созданных Людендорфом для координации деятельности агитационного кино во время войны.[85] Даже система организации работы в самой ОСВАГ опровергает представление о белых как о закосневших реакционерах. По инициативе начальника одного из отделов, который провел долгое время в Германии, ростовский филиал ОСВАГ построил свою повседневную практику на принципах Тейлора: у всех сотрудников были значки с цветными кодами, а на дверях кабинетов висели сигнальные флажки, которые указывали, кому вход в кабинет разрешен, а кому — нет.[86]

И точно так же, как и в период Первой мировой войны, в годы Гражданской войны и у белых, и у красных возник так называемый «парагосударственный комплекс» (Geyer), которому удалось вызвать широкое и активное участие населения. В дополнение к правительственным отделам осведомления, политический активист и газетный издатель Шульгин учредил «Азбуку», независимое разведывательное агентство (sic!) на службе Белого дела.[87] В 1919 г. один сотрудник ОСВАГ заметил: «Нет теперь в Ростове человека, который не устраивал бы собственного Освага и собственной контрразведки». Сотрудники Ростовского ОСВАГ даже предпринимали безуспешные попытки прекратить неофициальный антибольшевистский «агитационный спектакль».[88] Тот факт, что к мобилизации общества на тотальную войну (процесса, в котором осведомление было лишь одной из составных частей) подключились профессиональные организации и различные организации на общественных началах, показывает (по мнению некоторых исследователей истории Германии), что тотальная война требует не только принуждения со стороны государства, но и самомобилизации гражданского общества.

Разумеется, существовало немало разногласий по поводу того, как следует вести тотальную войну. И многие люди участвовали в тотальной мобилизации не по собственной воле, а под влиянием принуждения и насилия. Но отличительной чертой тотальной войны является не столько наличие принуждения как такового, сколько его размах и интенсивность — размах и интенсивность такой степени, которой невозможно достичь единственно за счет усилий государства. Эта вселенская катастрофа характерна не только тем, что в ее период многие люди пострадали от насилия, но и тем, что многие весьма охотно это насилие применяли, зачастую под влиянием каких-то более высоких идей. Именно эта самомобилизация общества на тотальную войну беспрецедентно расширила организационные возможности государства и способствовала революционной трансформации общества.[89]

Эта работа выдвигает три основных тезиса. Тезис первый: в летописи российской катастрофы 1914—1921 гг. следует обратить особое внимание на период Первой мировой войны, так как здесь существует возможность доказать наличие связи между войной, тотальной мобилизацией и революцией не только в России, но и во всей Европе. Тезис второй: анализ «политики населения» показывает, что методы тотальной войны не возникли в готовом виде в 1914 г.; скорее наоборот, тотальная война скоординировала и перенесла на политическое пространство всей империи те формы организации социального насилия, которые уже за несколько десятилетий до 1914 г. разрабатывались и частично применялись на практике, особенно в колониях. И, наконец, исследование феномена осведомления показывает, что тотальную войну невозможно осуществить одними только специальными мерами со стороны государственного аппарата: для этого требуется самоорганизация общества через войну и во имя войны. В этом контексте история России является лишь явлением (отмеченным национальной спецификой, но отнюдь не уникальным), отражающим общеевропейские исторические тенденции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Струве Петр.* Размышления о русской революции. София, 1921. Кн. 1—2. С. 6.

[2] См.: The Heidegger Controversy / Ed. R. Wolin. New York, 1991.

[3] *Lih L.* Bread and Authority in Russia, 1914—1921. Berkeley, 1990. См. также: Critical Companion to the Russian Revolution, 1914—1921 / Ed. E. Acton, V. Cherniaev and W. Rosenberg. Bloomington, 1997.

[4] *Horne John.* Introduction: Mobilizing for Total War // State, Society and Mobilization in Europe during the First World War / Ed. John Horne. Cambridge, 1990. P. 1. Более общую информацию см.: *Eksteins M.* Rites of Spring: the Great War and the Birth of the Modern Age. New York, 1989.

[5] О Первой мировой войне как «европейской гражданской войне» (Франк Марк, 1914) см.: *Eksteins M.* Rites of Spring... P. 94, 185. Мысль о том, что период 1918—1933 гг. в Германии представлял собой «латентную гражданскую войну», см.: *Bessel R.* Germany after the First World War. Oxford, 1993, P. 262. О «всеобщей центральноевропейской гражданской войне в первые послевоенные годы» см.: *Deak I.* The Habsbyrg Empire // *Hagen Mark von, Barkey Karen.* After Empire. New York, 1997.

[6] О социальной организации насилия см.: *Domansky E.* Militarization and Reproduction in World War One Germany // Society, Culture and State in Germany, 1870—1930 / Ed. Geoff Eley. Ann Arbor. P. 430.

[7] Моя коллега Изабель Халл занимается исследованием этой проблемы на примере Германии. О колониализме как предтече массового насилия XX в. см.: *Arendt H.* Origins of Totali-

tarianism. New York, 1976; *Lindquist S.* Exterminate All the Brutes! New York, 1996.

[8] *Geyer M.* Militarization of Europe, 1914—1945 // The Militarization of the Western World / Ed. John Gillis. New York; New Brunswick. 1989. P. 79—80, 75.

[9] *Horne J.* Introduction; *Geyer Michael.* The Stigma of Violence, Nationalism and War in Twentieth Century Germany // German Studies Review. Special issue. 1992. P. 75—110 (о «парагосударственном комплексе» — p. 85).

[10] *Струве Петр.* Размышления... С. 11; *Horne J.* Introduction... P. 4; *Geyer M.* German Strategy in the Age of Machine Warfare // Makers of Modern Strategy / Ed. Peter Paret. Princeton, 1987. P. 529.

[11] Это краткое изложение рассуждений Холквиста в работе «To Remove and to Exterminate Totally: Population Statistics and Population Politics in Late Imperial and Soviet Russia» в «Empire and Nation in the USSR». Ed. Terry Martin and Ron Suny (готовится к публикации). О термине «политика населения» в трудах камералистов см.: *Raeff M.* The Well-Ordered Police State. New Haven, 1983. О расширении понятия «социальное» см.: *Donzelot Jacques.* The Policing of Families. New York, 1979; *Poovey Mary.* Making a Social Body. Chicago, 1995. О Bevölkerungspolitik в Германии времен Первой мировой войны см.: *Weindling Paul.* Health, Race and German Politics. Cambridge, 1989. Chs. 4—5. О России см.: *Blum Alain.* Oublier l'etat pour comprendre la Russie (XIX—XXe siecles)? // Revue des Etudes slaves. 1994. N° 66 (1). P. 140—141.

[12] «Население» // Большая энциклопедия Южакова. СПб., 1909. См. также: *Птуха М. В.* Очерки государственной статистики населения... Пг., 1916; Программы для статистических курсов районных и губернских. М., 1920. С. 9—11.

[13] *Holquist P.* To Remove... Основные положения этой дисциплины см.: *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и статистики. СПб., 1845 (репринт: Русский геополитический сборник. 1997. № 2.). С. 39—48; *Он же.* Первые опыты военной статистики. В 2 т. СПб., 1847—1848; *Макшеев А.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1867; *Обручев Н. Н.* Военно-статистический сборник. В 4 т. СПб., 1871; *Золотарев А. М.* Записки военной статистики. В 2 т. СПб., 1885. См. также: Исторический очерк деятельности военного управления в России, 1855—1880. В 4 т. СПб., 1880. Т. 4. С. 108—112; *Пыпин А. Н.* История русской этнографии. В 4 т. СПб., 1892. Т. 2. С. 305—309; Т. 4. С. 79—80.

[14] *Золотарев А. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 120. Ср. также внимание, которое уделяет однородности Макшеев А. (Военно-статистическое обозрение... С. 11, 94, 98). Гораздо больше примеров можно найти в общих и местных исследованиях.

[15] См., напр., *Золотарев А. М.* Указ. соч. Т. 2. С. 31, 92, 163, 275; *Антонович А.* Русский народ и главнейшие народности России перед воинской повинностью // Военный сборник. 1909. № 11. С. 241—274; *Козловский Н.* Об отношении народностей России к исполнению воинской повинности // Военный сборник. 1915. № 1—3.

[16] *Машкин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи. М., 1997. С. 225—232.

[17] Среди наиболее известных русских этнографов, вышедших из военных статистиков, можно назвать А. Ф. Риттиха, М. И. Венюкова и П. Бобровского. А. Макшеев, кроме учебника по военной статистике, издал несколько статей в трудах Императорского географического общества.

[18] *Jersild Austin.* Ethnic Modernity and the Russian Empire: Russian Ethnographers and Caucasian Mountaineers // Nationalities Papers. 1996. № 24(4). P. 641—648, особенно 643, 645; *Brower Daniel.* Islam and Ethnicity: Russian Colonial Policy in Turkestan // Russia's Orient / Eds. Brower and Edward Lazzerini. Bloomington, 1997. О британской Индии см.: *Dirks Nicholas.* Castes of Mind // Representations. 1992. No. 37. P. 56-78; *Barua Pradeep.* Inventing Race: the British and India's Marital Races // The Historian. 1995. No. 58 (1). P. 107—116.

[19] *Машкин Н. А.* Высшая военная школа... С. 268—269; *Brower B.* Islam and Ethnicity... P. 122—124.

[20] Напр.: *Венюков М. И.* Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею // Сборник государственных знаний. 1878. № 5. С. 58—106; *Тихонов,* капитан. Военное обозрение восточной полосы Семиреченской области. СПб., 1883; *Макшеев А.* Исторический обзор Туркестана и наступательного движения на него русских. СПб., 1890 (в работе есть ссылки на Венюкова как на большой авторитет); *Гиршфельд,* капитан. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ташкент, 1902; *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России: Курс военных и юнкерских училищ. СПб., 1903; *Федоров,* полковник. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Чжунгарско-Семиреченской приграничный район. В 2 т. Ташкент, 1910; *Стокасимов,* полковник, князь. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа: Ферганский район. Ташкент, 1912. С. 75.

[21] *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России. С. 176—177; *Федоров.* Чжунгарско-Семиреченской приграничный

район: *Стокасимов*. Ферганский район. С. 113—114.

[22] *Федоров*. Чжунгарско-семиреченской приграничный район. Ч. 1. С. 98, 76, 163; Ч. 2. С. 32.

[23] Туркестанский край (под ред. князя В. И. Масальского). СПб., 1913; Полное описание нашего отечества / Ред. В. П. Семенов-Тян-Шанский. Т. 19. С. 322—323, 358, 365.

[24] *Кауфман А. А.* К вопросу о русской колонизации Туркестанского края: Отчет члена ученого комитета Министерства земледелия Г. И. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб., 1903. Кауфман, естественно, был одним из самых выдающихся статистиков России.

[25] *Пален К. К.*, граф. Миссия в Туркестан / Ред. Richard Pierce. London, 1964. С. 196, 191 (об увлечении чиновников колонизационных властей военной статистикой см. также с. 181, 189).

[26] *Федоров*. Чжунгарско-Семиреченской приграничный район. Ч. 2. С. 28—29.

[27] О восстании см.: *Brower D.* Kyrgyz Nomads and Russian Pioneers: Colonization and Ethnic Conflict in the Turkestan Revolt of 1916 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1996. Nr. 44 (1). S. 41—53; *Sokol Edward*. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954; *Pierce Richard*. Russian Central Asia, 1867—1917. Berkeley, 1960. О подавлении восстания см.: *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. Фрунзе, 1967; *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1966.

[28] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 661—663, 668, С. 673, 662, 675. Об эффективности применения пулеметов в горных проходах см.: *Стокасимов*. Ферганский район. С. 73.

[29] *Усенбаев К.* Восстание 1916 года в Киргизии. С. 222.

[30] *Pierce R.* Russian Central Asia. P. 293; *Buttino Marco*. Study of the Economic Crisis and Depopulation of Turkestan // Central Asia Studies. 1990. No. 9 (4). P. 59—74.

[31] Восстание 1916 года... С. 99—100, 676—677, 684—687.

[32] *Brower D.* Kyrgyz Nomads... P. 52.

[33] *Золотарев А. М.* Записки военной статистики. Ч. 1. С. 133—134, 137.

[34] Там же. Ч. 2. С. 31, 92, 163, 275.

[35] *Золотарев А. М.* Военно-географический очерк окраин России. С. 6, 18, 24—26, 39, 48, 51—52, 55, 57, 63—64, 68, 74.

[36] *Комаров*, полковник Генерального штаба. Военно-статистическое описание Московской, Владимирской и Нижегородской губерний (район 15-й местной бригады). М., 1895. С. 81—82; *Rogger Hans*. Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley, 1986. P. 69.

[37] *Domansky E.* Militarization and Reproduction... P. 463; *Eksteins M.* Rites of Spring... P. 70—73.

[38] О роли первой мировой войны в развитии этоса насилия см.: *Горький Максим*. Несвоевременные мысли. (1917) New Haven, 1995. С. 9—12, 76—77, 128—130, 185, 195—199; *Trotsky Leon*. Terrorism and Communism ([1920]). Ann Arbor, 1961. P. 65—68; *Pethybridge Roger*. The Social Prelude to Stalinism. New York, 1974. Ch. 3; *Plaggenborg Stefan*. Weltkrieg, Bürgerkrieg, Klassenkrieg // Historische Anthropologie. 1995. Nr. 3(3). S. 493—505.

[39] О депортации населения см. в диссертации Эрика Лора (Eric Lohr), которая вскоре будет представлена к защите в Гарвардском университете, а также его доклад на конференции AAASS в Сиэтле (ноябрь 1997 г.): *Lohr E.* Deportation, Nationality and Citizenship: Enemy Aliens within Russia during World War I. См. также: *Нелипович С. Г.* Репрессии против подданных «центральных держав»: депортации в России // ВИЖ. 1996. № 6. С. 42—52; *Hagen Mark von*. The Great War and the Emergence of Modern Ukrain // *Barnett Richard*. Empires, Nations, Regions: Political Order and Change in the Former Soviet Space (forthcoming).

[40] *Lohr E.* Deportation... P. 1.

[41] Об усиленном надзоре за депортированными см.: *Хранилов Ю. П.* Что им за дело до чужих писем, когда брюхо сыто: Военная цензура Вятской губернии в борьбе за победу над германцами // ВИЖ. 1997. № 2. С. 22—29.

[42] Цитирую по: *Lohr E.* Deportation... P. 11.

[43] *Савченко В. Н.* Восточная Галиция в 1914—1915 годах (этносоциальные особенности и проблема присоединения к России) // ВИ. 1996. № 11—12. С. 95—106 (особенно о роли военной статистики); *Hagen Mark von*. Great War.

[44] Наши агенты от миллионера до наркома // Родина. 1990. № 10. С. 64—68. О белом терроре см.: *Литвин А.* Красный и белый террор в России, 1917—1922 // Отечественная история. 1993. № 6. С. 46—62; *Kenez Peter*. *Pogroms* and White Ideology in the Russian Civil War // *Pogroms* and Anti-Jewish Violence in Modern Russian History / Eds. John Klier and Shlomo Lambroza. New York, 1992.

[45] *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 288. О расказачивании см.: *Holquist Peter*. Conduct Merciless, Mass Terror: Decossackization on the Don, 1919 // Cahiers du Monde russe. 1997. N° 38 (1—2). P. 127—162.

[46] *Koehl R. L.* Colonialism inside Germany: 1886—1918 // Journal of Modern History. 1953. No. 25 (3). P. 255—272; *Wertheimer Jack*. The Unwanted Element: East European Jews in Imperial Germany // Leo Baeck Institute Yearbook. 1981. Vol. 26.

[47] *Smith Woodruff.* The Ideological Origins of Nazi Imperialism. New York, 1986; *Lindquist S.* Exterminate all the Brutes!

[48] *Strazhas Aba.* The Land *Ober-Ost* and its Place in Germany's Ostpolitik, 1915—1918 // The Baltic States in Peace and War / Eds. V. Stanely Vardys and Romuald Misiunas. University Park, 1978. P. 51—52. Об *Ober-Ost* см.: *Liulevicius Vejas.* Warland: Peoples, Lands and National Identity on the Eastern Front in World War One (Ph.D. thesis, University of Pennsylvania, 1994); *Strazhas Aba.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg: Der Fall Ober Ost, 1915—1917. Wiesbaden, 1993.

[49] *Strazhas Aba.* Deutsche Ostpolitik... S. 56.

[50] *Strazhas Aba.* The Land Oberost... S. 51, 58.

[51] *Smith W.* Ideological Origins... P. 187—195; *Burleigh Michael.* Germany Turns Eastwards. Cambridge, 1988. P. 11—24.

[52] *Cornwall Mark.* Morale and Patriotism in the Austro-Hungarian Army // State, Society and Mobilization. P. 175—176; *Redlich Joseph.* Austrian War Government. New Haven, 1929. P. 85, 103. О полемике на эту тему см.: Военные преступления Габсбургской монархии, 1914—1917 // Галицкая Голгофа. Львов, 1924—1932; репринт: Trumball, CT, 1964; *Reiss R. A.* Report upon the Atrocities Committed by the Austro-Hungarian Army during the First Invasion of Serbia. London, 1916.

[53] Ibid.

[54] На анализ проблемы осведомления меня подтолкнула работа: *Barker Keith.* A Foucauldian French Revolution? // Foucault and the Writing of History / Ed. Jan Goldstein. Cambridge, MA, 1994.

[55] О возникновении осведомления при советской власти см.: *Измозик В. С.* Глаза и уши режима. СПб., 1995; *Он же.* Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее. 1997. № 21. С. 155—174; *Давидян И.* Военная цензура в России, 1918—1920 // Cahiers du Monde russe. 1997. № 38 (1—2). P. 117—125.

[56] О ежедневных сводках политотдела Южного фронта в 1919 г. см.: РГАФ. Ф. 100, оп. 2, д. 162, 165—166.

[57] Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р-97, оп. 1, д. 772, 11. 19—21: перечень № 1 присланных политбюро сводок, в которых отсутствует точная и ясная информация (так подчеркнуто в оригинале).

[58] См.: *Mosse George.* Nationalism of the Masses. Ithaca, 1975. P. 10—11; *Geyer M.* Stigma... P. 92.

[59] *Holquist Peter.* Information is the Alpha and Omega of Our Work: Bolshevik Surveillance in its Pan-European Perspective // Journal of Modern History. 1997. No. 69. P. 415—450. Кейт Баркер замечает по поводу французской монархии, что «в программе просвещенного абсолютизма в последний период старого режима можно увидеть точную модель замены самодержавной власти системой осведомления», хотя во Франции, во многом так же, как и в России до начала тотальной войны, традиционный политический строй не позволял новой форме власти полностью реализовать свои возможности. (*Barker Keith.* A Foucauldian French Revolution... P. 204).

[60] О «Временном положении...» см.: *Авербах О. И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914 г. Вильна, 1915. С. 17—39. О военных инструкциях, определявших ответственных за работу управлений цензуры, см.: Положение о полевом управлении войск в военное время. СПб., 1914. Статьи 118, 126, 516. О военной цензуре см.: *Лемке М.* 250 дней в царской ставке. СПб., 1920; *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 22—29; *Протасов Л. Г.* Важный источник по истории революционного движения в царской армии перед Февральской революцией // Источниковедческие работы. Т. 1. Тамбов, 1970; *Вахрушева Н. А.* Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник (1915—1917) // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972.

[61] *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 28.

[62] *Давидян И.* Военная цензура... С. 118.

[63] *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 24.

[64] *Протасов Л. Г.* Важный источник... С. 8—9; *Хранилов Ю. П.* Что им за дело... С. 28—29; *Горький Максим.* Несвоевременные мысли (1917). New Haven, 1995. С. 195. Немецкие и английские солдаты также знали, что их почту читают (*Ulrich Bernd.* Feldpostbriefe im Ersten Weltkrieg: Bedeutung und Zensur // Kriegsalltag / Ed. Peter Koch. Stuttgart, 1989. S. 49, 62; *Eksteins M.* Rites of Spring... P. 147).

[65] *Миролюбов А.* Документы по истории департамента полиции периода первой мировой войны // Советские архивы. 1988. № 3. С. 80—83.

[66] О сводках, составленных Министерством внутренних дел и армией, см.: *Holquist P.* Information... P. 427—429.

[67] Война и Костромская губерния (по данным анкеты статистического отделения). Кострома, 1915. С. 66—77, 141—142.

[68] Об этих и других мерах см.: *Jan Hubertus.* Patriotic Culture in Russia during World War I. Ithaca, 1995.

[69] *Кривцов Е.* Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. № 11. С. 85—92. См. также: Война и костромская губерния... С. 73—76.

[70] *Славенсон В.* Современный плакат // Русская мысль. 1917. № 38 (3—4). С. 81—94.

[71] *Siegelbaum Lewis.* The Politics of Industrial Mobilization in Russia, 1914—1917. New York,

1983; *Galili Ziva*. The Menshevik Leaders in the Russian Revolution. Princeton, 1989; Strikes, Social Conflict and the First World War: an International Perspective / Eds. Leopold Haimson and Giulio Sapelli. Milan, 1992; *Stanziani Alessandro*. Specialistes, bureaucrats et paysans: Les approvissionnements agricole pendant la Premiere Guerre Mondiale, 1914—1917 // Cahiers du Monde Russe. 1995. N° 36. P. 71—94; *Gatrell Peter*. «Refugees» // Critical Companion to the Russian Revolution; *Zipperstein Steven*. The Politics of Relief: The Transformation of Jewish Communal Life during the First World War // Jews in the Eastern European Crisis / Ed. Jonathan Frankel. Oxford, 1988.

[72] *Holquist P.* Information... P. 438—443.

[73] *Bruntz George*. Allied Propaganda and the Collapse of the German Empire in 1918. Stanford, 1938. Ch. 7.

[74] Militar und Innenpolitik / Ed. William Deist. 2 vols. Düsseldorf, 1970. Bd.1. P. 378—379; *Deist W.* Censorship and Propaganda in Germany during the First World War // *Becker Jean-Jacques* and *Audoin-Rouzeau Stephane*. Les Sociletes europeenes et la guerre de 1914—1918. Paris, 1990.

[75] *Ludendorf*, General. The Nation at War / Trans. A. S. Rappoport. London, [n.d.] (перевод книги «Der Totale Krieg» [1935]). Chs. 1—2. О распространении и значении терминов «тотальная мобилизация» и «тотальная война» см.: *Gleason Abbot*. Totalitarianism. New York, 1995. Ch. 1.

[76] *Barkhausen Hans*. Filmpropaganda für Deutschland im Ersten and Zweiten Weltkrieg. Hildesheim, 1982; *Kreimeier Klaus*. The UFA Story. New York, 1996. Chs. 1—4. О связи между войной (особенно Первой мировой войной) и кино см.: *Virilio Paul*. War and Cinema: The Logistics of Perception. New York, 1989.

[77] См., напр.: *Верховский А.* Пропаганда как боевое средство // Военный вестник. 1924. № 3; *Зуев Д.* Газета во время войны // Военная мысль и революция. 1924. Кн. 3. С. 11—25; *Блюменталь Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну. М; Л., 1928; *Алярицкий Ю., Семешевский С.* Пропаганда в армиях империалистов. М., 1931.

[78] Март—май 1917 // Красный архив. 1926. № 15. С. 30—60.

[79] *Holquist Peter*. Anti-Soviet *Svodki* from the Civil War // Russian Review. 1997. № 56 (3). P. 445—450.

[80] Документы губернского архива о Гражданской войне в СССР // Отечественные архивы. 1992. № 1. С. 63—66. Подобные материалы см. также: Wrangel Military Archive. Hoover Institution, box 38, folder 18.

[81] Из документов белогвардейской контрразведки // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 341—342. Сходное определение своих задач Донским отделом информации см.: Донской край. 1918, 14 мая. Экштейнс отмечает, что на Западе также «пропаганда шла в двух направлениях» (*Eksteins M.* Rites of Spring... P. 181).

[82] *Holquist P.* Information... P. 433—438. Об использовании ОСВАГ агитпоездов и агитационных кинофильмов см.: *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника // Минувшее. 1996. № 20. С. 565—566, 587, 595—601. Амфитеатров-Кадашев был в ОСВАГ руководителем отдела кино.

[83] *Аннинский Л.* Кровь обагрила — смерть победила // Родина. 1996. № 9. С. 10—14.

[84] *Махров П. С.* В белой армии генерала Деникина. СПб., 1994. С. 281—286.

[85] О Скобелевском комитете см.: *Jahn H.* Patriotic Culture in Russia during World War I. P. 151—169. Как и в России, немецкая киноиндустрия была впоследствии втянута в революцию (*Kreimeier K.* The UFA Story. Ch. 4).

[86] *Амфитеатров-Кадашев В.* Страницы из дневника... С. 575—576. О более позднем применении методов Тейлора советскими чиновниками см.: *Sites Richard*. Revolutionary Dreams. New York, 1989. Ch. 7.

[87] Об «Азбуке» см.: *Kenez Peter*. The Civil War in Southern Russia, 1919—1920. Berkeley, 1977. P. 65—78; К истории осведомительной организации «Азбука» // Русское прошлое. 1993. № 4. С. 160—193.

[88] *Амфитеатров-Кадашев В.* страницы из дневника... С. 597—598.

[89] *Eksteĕns M.* Rites of Spring. P. 184, 237; *Geyer M.* Stigma; *Domansky E.* Militarization and Reproduction. Готовящаяся к защите диссертация Джоша Санборна (Josh Sanborn) «Empire, Nation and the Man» (University of Chicago) предлагает новаторский подход к проблеме взаимосвязи между насилием и мужским началом в России в период с 1905 по 1926 год. «Конармия» Исаака Бабеля (особенно рассказы «Гедали» и «Соль») показывает, как даже во время Гражданской войны в России люди стали наделять насилие положительными характеристиками.